

И враги человеку — домашние его
(Мф. 10:34-36)

ЛАЙК. ШЕР. РЕПОСТ

Зая нашла в кармане Лёшика чек, в котором кассовый аппарат мелким и черным выбил приговор двухлетнему браку: ди-рол и презервативы. «Боится заразы, скотина», — с отчаянной нежностью подумала она. «И не забывает о свежести дыхания!» — издевательски добавил чек. Зая повалилась на нордическую кровать Undredal* и зарыдала по-бабьи, обхватив голову руками, причитая и поскуливая. Слезы исчезали в простынях, где они столько раз занимались любовной эквилибристикой. Меряли ректальную температуру. Пили терпкое красное. Рассказывали друг другу винными губами свои сны.

Ди-рол и презервативы...

Обессиленная истерикой, Зая кое-как собрала останки себя с Undredal и поползла в ванную — ремонтировать подбитое слезами ярости и бессилия лицо. Опустила руки под струю холодной воды. Из зеркала на нее смотрела глупая женщина, которой изменили. На полу мертвой тряпицей валялись его брюки. Еще немного, и они бы отправились в галдящее нутро стиральной машины вместе со своей главной тайной. Зая, однако, успела

* Модель кровати в ИКЕА.

выудить из штанов этот гнусный секретик и не знала теперь, что с ним делать. Все еще хлюпая носом, она скорбно присела на новый унитаз, который дизайнер называла инсталляцией, и достала из красивой туалетной корзины женский журнал. На обложке было написано: «10 шагов к успешным отношениям».

«Если мужчина изменил вам, бегите, бегите от него как можно дальше», — наставляла психолог в пятом поколении.

Зая остервенело выпинала его подлые брюки из ванной. Вместе с рубашками и пиджаками свалила в дорожную сумку и принялась давить ее ногами. Пусть сам валит, урод!

Девять шагов.

Телефон давно гудел где-то в недрах квартиры. Зая взяла его в руки. Она считала звонки. Восемь. Семь. Шесть. И цапнула пальцем зеленый кружок.

— Потеряла мобильник. Завалился за диван, представляешь. Я хека в маринаде приготовила. Ты приезжай пораньше. У меня овуляция.

И Лёшик приехал. К его возвращению дорожная сумка была распакована: рубашки и джинсы вновь перекочевали в шкаф. К хеку было подано белое сухое.

С Заей муж жил в постоянной тревоге, которую время от времени снимал несмелым соитием с малознакомыми девами. Дев он получал на работе в качестве бонуса. Лёшик служил в консалтинге и считался бизнес-коучем. Иногда он проводил загородные тренинги для сотрудников крупных сытых компаний. После бравых сессий, в неформальной обстановке, одобренной алкоголем, Лёшика окружали нежные шеи, обтянутые молодой кожей ключицы, игривые родинки и острые, не заросшие еще жирком лопатки менеджеров и эйчаров. Утром все это великолепие порой обнаруживалось

в его номере. Завтракали стыдливо порознь. Лёшик всегда брал йогурт и, ссутулившись, ел его из мисочки.

Менеджеры и эйчары налегали на пресный водянистый омлет и рассматривали Лёшика, будто видели впервые. При беспощадном дневном свете он казался каким-то жалким. Глазки грустные, ложечкой о миску стук-стук... С одной менеджершей (или эйчаршей?) наш герой-любовник все же пытался продолжить коуч-сессию. Вернувшись в город, разомлел в пробке и набарабанил в мессенджер: «Зая, привет. Продолжим общение?»

Новая Зая ответила жестко: «Спасибо, но нет. Мужчина и йогурт — несовместимые вещи».

И Лёшик продолжал экзерсисы со старой Заей.

Старая Зая мечтала о ребенке. Младенец, однако, не спешил гармонизировать их союз своим появлением. Зая паниковала. Все ящики квартиры заполонили тесты на беременность, книги о бесплодии и молитвословы. Зая ела мясо (повышает фертильность). Лёшику полагались морские гады (в них — афродизиаки). Любовью никто ни занимался ради любви.

— Зачем тебе ребенок? — допытывался Лёшик. — Давай я куплю тебе шубу.

Жена давно мечтала о шубе. В ней она чувствовала бы себя статусно.

— Как ты можешь сравнивать ребенка и дурацкую шмотку, — зрочки Заи недобро расширились. — Женщина без шубы — это просто бедная женщина. Женщина без ребенка — не женщина! Почему же у всех дети — бах! — и готово?! Почему они не получаются у нас? — недоумевала Зая.

— Может быть, дети — это просто не наше, — пытался успокоить супругу Лёшик. — Может быть, у нас другое предназначение.

— Какое же? — заводилась Зая. — Бизнес-коучинг? Это же разводилово! Если ты, Лёшик, такой умный, то почему такой бедный? Почему едешь не на «порше», а на кредитном «логане»? Давай же, смотивируй нас на оплодотворение! Нарисуй карту желаний, прокачай позитивное мышление. Давай будем вместо секса заниматься визуализацией. Может, тогда все получится?!

Лёшик молчал. Он и сам подозревал, что коучинг — это ерунда. Иначе бы не жил в ипотечной квартире и не платил бы кредит за Заин телефон. Не решался он урезонить жену и тем, что она была начинающим блогером. То есть безработной. Лёшик подозревал, что ребенок был нужен благоверной для раскрутки ее скудного бложика.

— Мир сошел с ума по детям, — потрясала красивыми кистями Зая. — Знаешь, кто сегодня самые популярные блогеры? Многодетные мамы! Ты читал, о чем они пишут? Маша покакала, Петя пописал, а я пеку печенье! И получают тысячи, миллионы лайков. Раскрутить блог гораздо проще при наличии детей. Один видеоблогер зарабатывает миллионы тем, что вместе с маленькими ублюдками распаковывает игрушки! Повторяю — рас-па-ко-вы-ва-ет, — по слогам произносила восхищенная Зая. — Дети даже не играют в этот хлам, просто открывают коробки. Это же гениально! Но где бы был этот папаша, если бы у него не было детей?

— Интересно, что он станет делать, когда они вырастут? Дети быстро растут, — заметил Лёшик.

— Ну, не знаю, может быть, будет наряжать их в детскую одежду и заставлять говорить писклявыми головами. Или родит новых детей. Он не такой бесплодный, как мы... — Зая уходила на балкон курить и плакать.

Лёшику казалось, что проблема в нем. Он просто не готов к ребенку. Боится, что не сможет его полюбить.

Не хочет приводить голого человека в этот неуютный мирок, в котором его матерью будет Зая. Да и он тот еще папаша. Глянешь под ноги, а там — бездна. Докажут завтра, что тренинги — чушь собачья, и чем ипотеку платить? Что ждет теплого младенца в подавленной ему жизни? Череда одинаковых дней с такими же бедами сначала в саду, а потом за школьной партой? Неловкая первая любовь с ночными поллюциями, ЕГЭ, выпускной, лекции у профессора-маразматика, тупая работа? А потом ребенку исполнится тридцать пять, и он поймет, что круто попал. Каждое утро этот несчастный будет просыпаться в пять и тихо ужасаться собственной жизни. Не зря пять утра — это час быка. Час самоубийц.

Ужасаться жизни, которая, нет, даже не проходит, а волочится, еле переставляя бледные волосатые ноги, в бетонном коробе в подмосковном гетто. И платить за короб еще лет двадцать. А рядом будет сопеть одурманенная Морфеем, но все равно злая Зая. Не эта Зая, конечно. Другая. Но такая же. И ее нарощенные реснички (или что там женщины придумают делать с глазами через тридцать пять лет) будут угрожающе подрагивать во сне.

Но выход из рутины, из безнадеги этой есть. Ребенок. Ну, конечно, младенец все изменит. Наполнит жизнь смыслом. И даже сможет выплачивать ипотеку, когда вырастет. Если, конечно, намекнуть ему, что он пращурам обязан. Родители — не дядька чужой, родители подарили жизнь. Ночей не спали. Но это Зая внушит. Она умеет.

Нет, Лёшик не хотел, чтобы все было так. Его вполне пристойные сперматозоиды нервничали и бежали прочь от яйцеклетки, которая вызывающе скалилась в ожидании добычи в кулуарах Заиноного тела.

Лёшик был желанным ребенком. Мать рассказывала, что за его появление государство обещало отдельную двухкомнатную квартиру. Молодая семья томилаcь в доме Лёшикиного деда и его жен, которые постоянно менялись. Лёшик срочно родился. Государство осознало, что погорячилось, но куда деваться. Родители вместе с Лёшиком и ванночкой для купания торжественно переехали. Дедушка Прокоп тоже радовался. Он был довольно известным в столичных творческих кругах фотографом. Тихо переживал, что пространство, предназначенное для сушки позитивов, использовалось для развешивания ползунков. Интеллигентно страдал, копошился с фотографиями в ванной или стенном шкафу, который выступал в роли кабинета. Когда молодые съехали, дедушка воспылал к внуку благодарной любовью. Дарил катушки от пленок. А когда Лёшик подрос, учил проявлять фотографии и брал с собой на фотовыставки. Родители, оставленные без присмотра, вскоре стали скандалить, драться, а потом и вовсе развелись. Долго делили квартиру и Лёшика, чем, как утверждала Зая, нанесли ему психологическую травму. Пока шли распри, внук жил у Прокопа и его очередной супруги Варвары. Женщины тоже из творческой среды и не без таланта. Варвара умела писать зеркальным почерком.

— Зря ты так носишься со своим дедом, — ревниво замечала жена. — Фотограф, а у тебя ни одной детской фотографии!

— Просто он фотографировал архитектуру города. Ему и в голову не приходило снимать меня. У него и своих фоток почти нет. Его не интересуют люди, — защищал Прокопа Лёшик.

— Когда человека любят, его фотографируют. Вот ты никогда не предлагаешь меня сфотографировать,

всегда приходится просить, — укоризненно замечала Зая. Лёшик вздыхал и делал сотни одинаковых снимков — Заиному блогу требовалось достойное визуальное наполнение. Зимой — на фоне ряженных елок. Весной — в кустах сирени. Летом — у фонтанов. Зая изображала восторг. Проходящие мимо люди отворачивались. Когда смотришь на человека, которого фотографируют, становится как-то совестно. Будто застучал его за чем-то личным. Возможно, даже за мастурбацией.

* * *

По пятницам Лёшик навещал деда. Тот по-прежнему снимал, участвовал в выставках, даже выходили альбомы. Жена Варвара куда-то делась. То ли съехала, то ли умерла. Прокоп не растерялся и обзавелся новой — нетворческой, зато домовитой Лилией. В руках у Лилии всегда была кастрюля с геркулесом.

— Захомутила старика, квартиру хочет заграбастать! Между прочим, твою квартиру! — злилась Зая.

— Мою же, не твою, — огрызался Лёшик.

— Ты тряпка, — резюмировала жена.

— А ты — деревня, — не уступал Лёшик. Зая утверждала, что она из Питера. Однако неистребимый говор заставлял задать ей вопрос: а в Питер вы откуда приехали?

— С Тюмени, — признавалась Зая.

Дед жил на последнем этаже добротного дома на Преображенке. Лёшик презрел лифт, поднялся пешком — чем не альтернатива фитнесу? Дверь открыла Лилия. Она хотела было всплеснуть руками, будто Лёшика не было не неделю, а год, но в них была кастрюля. Оставив сантименты, Лилия прогудела в теплую темноту коридора:

— Прокопушка, Лёшик пришел!

Дедушкина квартира напоминала луковицу. Каждая жена брала дом в свои руки и клеила новые обои поверх старых. Лилия выбрала белые... нет, не лилии — белые каллы.

Пахло фотобумагой и сердечными каплями. Пахло плохими новостями.

— У Прокопушки рак мозга, — заплакала Лилия, когда сели обедать. — Не стали по телефону сообщать. Ждали, когда придешь.

Лёшику показалось, что на него упала ледяная глыба. Мир стал мелким, будто смотришь на него в перевернутый бинокль, в ушах стоял гул. Всхлипывания Лилии, тиканье старых часов, шарканье Прокопа, отпавленного за снимками, — все звуки приглушились, как под водой. Время замерло. Каллы на стенах извивались и пульсировали. Ипотека, ребенок, Зая — ничто больше не имело значения. Дед умирает.

Дедушка тыкал в него какими-то черно-белыми фотографиями. «У человека рак, а он все про фотки свои», — недоумевал контуженный известием Лёшик.

— Вот посмотри, это мозг. — Прокоп погладил старческим пальцем проявившийся на снимке срез белого вещества, похожий на грецкий орех. — А это глиобластома, — с некоторой гордостью озвучил он диагноз и погладил белое пятно. — Она ест мой мозг.

Лёшик почему-то подумал про Заю.

— Алёша, ты почитай про эту заразу, — Лилия прервала его ассоциативный поток. — В Интернете вашем что пишут? Прокопушка лечиться не желает, говорит — жить надо...

— С короткой выдержкой и без штатива, — закончил дед.

Лилия замахала на него руками, схватила для успокоения кастрюлю.

— Узнай, как это лечат. Может быть, лучше сразу травами? Или голубиным пометом?

Лёшик пообещал провести ресерч. Он вытащил из кармана телефон и навел его на дедушкин мозг с пожирающей его опухолью. Папка с фото, в которой преимущественно копились еда и селфи из пробок, наполнилась изображением бластомы, ставшей от этого какой-то будничной.

Прокоп хорохорился и предлагал по коньячку. Лилия, поставив перед собой кашу, обмахивала кроссвордами размытое слезами лицо. Лёшик бубнил что-то невразумительное про позитивное мышление. Всем было страшно, головокружительно и тошно, как на тонущем корабле.

* * *

Дома Зая запекала вульгарную свиную рульку. Она уже протомилась положенный срок в духовке в специальном пакете. Оставалось вскрыть пакет, напоить ее соусом и отправить развратницу обратно в пекло — обзаводиться положенной корочкой. Зая вспоминала про чек и представляла, что отправляет в печь не рульку, а эту свинью Лёшика. Увлеченная процессом, она даже не заметила, как на кухне образовался жалкий изменщик и притулился на барный стул — Зая купила его на распродаже у разорившегося ресторана. Вздогнула, ойкнула, выдохнула, отвернулась к раковине. Из-под ножа поползли длинные лоскуты картофельной кожуры. Лёшик подумал, что Зая очень даже секси, когда готовит. Хочется подойти сзади, уткнуться носом в ее шею, вдохнуть Заю в себя. Вставить ей.

— Милый, — произнесла жена так, что Лёшик сразу почувствовал — затевается нечто глобальное. Возможно, даже ремонт балкона.

— Милый, — повторила она, — я сегодня была на консультации у репродуктолога. Наш единственный шанс родить ребенка — это сделать ЭКО. Но придется набраться терпения — с первой попытки может ничего не получиться. И со второй тоже. Каждая попытка стоит денег. Больших денег. Нам нужны деньги.

— Зая, — аккуратно начал Лёшик. — Милая, — тянул он время в поисках правильного ответа. Такого, который устроил бы Заю и не позволил бы свалиться в очередную финансовую канаву. Как это уже было, когда в своей скромной квартирке они установили дорогостоящую итальянскую сантехнику — милая желала писать исключительно в инсталляцию.

— Ну, что ты мямлишь, Алексей? — зудила жена. — Ты можешь взять еще кредит?

— Я и так плачу банкам больше половины того, что зарабатываю. Я даже не знаю, где взять деньги на ребенка, зачатого обычным способом. Но платить еще и за процесс — это ту мач. Давай подождем. Попробуем пока так. Вдруг не все потеряно? — пытался спастись Лёшик.

— ТАК мы пробуем уже два года! Ничего не получается. Как ты можешь жалеть деньги, когда речь идет о детях? — зашипела Зая, не привыкшая, чтобы ей перечили.

— Но это нормально, дети — дорогое удовольствие. И удовольствие ли — вот в чем вопрос, — защищался Лёшик.

— Ты просто не мужик, — диагностировала Зая. — У тебя гнилые сперматозоиды. И в постели ты полный ноль.

Лёшик бросил в Заю принесенным нарезным батоном. Она взвизгнула и увернулась. В духовке горела рулька.

Оставив Заю остывать на опаленной скандалом и куском свинины кухне, Лёшик скрылся в ванной с телефоном, пачкой «Парламента» и бутылкой текилы — друзья привези из Мексики. Устроился с ногами на стиральной машине. Закурил и зашел в фейкбук. В минуты душевной слабости он всегда находил спасение в медитативном пролистывании ленты. Сам же писал редко. Про то, что в жизни надо найти баланс, смысл и путь. Но в основном репостил чужие цитаты о волшебной силе намерения — коучинг обязывал.

Лёшик тихо предавался зависимостям, в фейкбук между тем оживлялось наблюдение. Френдлента проводжала вечер пятницы. Рыжие апероль-шпритцы в модных локациях боролись за лайки с красным сухим на домашних вечеринках. Еще холодные красные закаты конкурировали с утопающими в весенних сумерках вереницами автомобилей. Мейн-куны состязались с чи-хуахуа, томные смоки с алыми губами, рыба — с мясом, плоть — с разумом.

Чем ближе подступала ночь, тем горячее становилось в социальной сети. Каркающими, славящими стаями разлетались щедрые лайки. Комментарии становились все отвязнее. Виртуальные споры набирали обороты. Шпритцы и красное сухое сменяли диже-стивы.

Лёшик чувствовал себя чужим на этом празднике коммуникации. Он понимал, что репосты про счастье и успех — откровенная лажа. Собственная жизнь казалась не настолько интересной, чтобы писать о ней, как это делала влюбленная в себя и свои закатики и погоду Зая. Рассыпаться в изящных комментариях он не умел и делал это весьма неуклюже, только когда напивался.

В глубине души Лёшик мечтал, что когда-нибудь станет известным, уважаемым Коучем. Учителем, Гуру и, разумеется, Миллионером. Напишет книгу — чем он хуже Карнеги или Синельникова. Будет организовывать тренинги в Гоа. Он ненавидел тех, чьи странички были популярными, а паблики вызывали эмоции и овации, откликались и улыбались. Неуверенные Лёшиковы постики никого не трогали, и он не мог понять почему.

Пятничным вечером, сокрушенный бластомой Прокопа, посрамленный Заей, наполненный текилой до последней клетки тела, он чувствовал себя на арене человеческого самоутверждения одиноким и нелюбимым. Будто за ним не пришли в сад и он сидит на детском стульчике с облезшей хохломой, маленький и несчастный. К воспиталке уже завалился какой-то усатый мужик и зажимает ее среди алюминиевых чанов с надписью «Ветошь». Воспиталка игриво ржет, покачивается с раздражением на стульчик с Лёшиком, а за ним все не идут. И никогда не придут. Это же очевидно.

Просматривая мутным взглядом картинки нарядной и сочной чужой жизни, Лёшик стеснялся собственной, бедной и скучной. Конфузился, что селфи из кредитного «логана» он делает так, чтобы не было видно — салон-то велюровый. Жена, правда, обещала подарить ему на день рождения чехлы из экокожи... Что у него нет денег на Заينو ЭКО. Что они были на море только один раз, два года назад, после свадьбы. И это был Крым. Зая предложила сэкономить на путешествии — нужны были деньги на «инсталляцию». В первый же день медового месяца молодожены подхватили кишечную инфекцию, которая давала о себе знать до конца поездки, ограничивая их возможности в передвижении — с диареей далеко не уедешь.

Ядовитый организм Заи быстрее справился с болезнью. Она уговорила еще слабого супруга поехать на романтическую экскурсию в пещеры—биться головой о сталактиты, а затем встречать рассвет в горах. В пещерах ползали, согнувшись под прямым углом и выстроившись, как лосось,—звеньями. У Лёшика впервые в жизни случился приступ клаустрофобии. Казалось, что его проглотил питон, в котором нет воздуха. Попытки выбраться из пещеры-питона были тщетны—сзади напирали сдобренные «массандрой» соотечественники. Пляшущие лучи фонарей высвечивали фаллические фрагменты, свисавшие с потолка. Пробивной Зае все же удалось выдавить заблокированную мужем часть группы назад и разложить его под раскидистым платаном—дышать. Над горами растелилась розовая полоса, в которой нежилось наглое южное солнце. Зая просила сфотографировать, как она держит его на своей тощей девичьей лапке, но у Лёшика прихватило живот. Рассвет он встречал в зарослях шиповника крымского.

Что мог Лёшик выложить в социальную сеть из той нелепой поездки? Фото будто переживших ядерную атаку придорожных сортиров? Вялый и теплый жюльен, который они заказывали в кафе в Алупке? Свое перекошенное паникой, выбеленное вспышкой лицо под сталактитами?

Чем может он похвастаться сегодня? Тем, что продает «уверенность в себе и успех», которых у него нет? Истеричной Заей, которая два года не может залететь? Пустой бутылкой текилы, которая, кстати говоря, давно вышла из алкогольной моды? Итальянской сантехниккой?

Вот это неплохо, это можно. Лёшик сделал несколько снимков в лучших традициях туалетного селфи.

СОДЕРЖАНИЕ

Лайк. Шер. Репост	4
Нга	39
Кленовый сироп	73
Антонида	82
Шоколадный урод	98
Пять кругов	110
Справедливое Рождество	119
Восьмерка номер два	136
Все хорошо, мам	143